

УДК 392.7(=511.131)(045)

*М.Н. Калмыкова***ОБРАЗ ПУТНИКА В УДМУРТСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТАТУСА**

В статье рассматриваются особенности одежды путника, комплекс дорожных вещей, отношение к путнику в традиционном обществе. Цель статьи – определение статуса путника в удмуртской традиционной культуре, что достигается путем анализа фольклорных источников и обычаев. В пути человек оказывается в «переходном» состоянии, когда действия направлены на отделение от прежнего общества, скорейшее включение в новое и на защиту в период такого перехода. Этим определяется особенность статуса путника. Одежда – главный показатель статуса в традиционном обществе. Путник, обладая особым статусом, отличается и особенностями одежды. Наибольшую смысловую нагрузку в облике несут пограничные элементы экипировки – головной убор, пояс, обувь. Определяется комплекс дорожных вещей, которые путник берет с собой в дорогу и которые выделяют его облик среди других людей. Уделяется внимание положению путника в новом обществе, отношение к нему, участие его в определенных обрядах.

Ключевые слова: путник, традиционная удмуртская культура, культура путешествия, дорожная одежда, комплекс дорожных вещей.

Определение статуса – идентификация человека в дороге – происходит в момент встречи, а от статуса взаимодействующих людей зависят и нормы поведения.

Главный показатель статуса в традиционном обществе – одежда и сопутствующие ей элементы материальной культуры [11]. Она представляет собой сложную знаковую систему, позволяющую различать людей по полу, возрасту, по их территориальной, этнической и социальной принадлежности. Путник как особая социальная категория обладает также определенным набором признаков, которые выражаются в особенностях одежды и комплексе дорожных вещей. Человек в пути не может позволить себе взять все вещи, к которым он привык. Снаряжение его отличается минимумом вещей, необходимых для поддержания комфорта.

По мнению А. ван Геннепа, «путник полностью не отделяется ни от основного сообщества, ни от общества, в которое он включился, будучи в пути» [9. С. 39]. Об этом свидетельствуют правила поведения семьи странника во время его отсутствия, заключающиеся в запрете любого действия, которое могло бы повредить путешествующему; либо наоборот, их действия направлены на помощь и облегчение его участи. Путешественника снабжали опознавательными знаками (палкой, дощечкой, выполняющей роль пропуска, письмом и т.д.), которые автоматически включали бы его в другие сообщества. Например, в удмуртской традиции «в случае болезни приглашали знахаря, шамана (туно) из дальних мест, чтобы он никого не знал. Покидая свой дом, он требовал от селения, которое его вызывало, «залог», представляющий собой кусочек дерева, на котором глава семьи вписывал свою тамгу (знак собственности рода). Шаман оставлял эту дощечку в доме, чтобы жена могла потребовать возвращения своего мужа» [3. С. 14].

Находясь в пути, человек оказывается в переходном состоянии, в зоне контактирования «своего» и «чужого» миров. В такой ситуации он всегда оказывался зависимой стороной и потому должен обладать некоторыми знаниями для нейтрализации влияния на него представителей другого мира. Так, в мире духов считается опасным проявить свою человеческую сущность. Поэтому действия человека в такой ситуации направлены на то, чтобы скрыть свою принадлежность к миру людей: выворачивание одежды наизнанку, переодевание обуви с левой ноги на правую, завязывание пояса и завязок лаптей на левый узел. В некоторых случаях таким средством нейтрализации выступает молчание. Общий смысл обрядовых действий при выходе из дома – отчуждение от всего домашнего, отстранение от всего происходящего.

В облике любых дорожных, путешествующих людей, отмечают особенности одежды, из которой, прежде всего, обращают внимание на головной убор, пояс, обувь и рукавицы (зимой). Помимо этого, отмечается набор основных атрибутов: посох, сумка (или другие средства перенесения груза). Как отмечает Т. Б. Щепанская, «одежда воспринимается как оболочка, защищающая от всех внешних воздействий, которая должна была заменить дом в его функции защиты от окружающей среды, враждебной человеку» [17. С. 121].

Знаковый смысл в дороге, как и в обыденной жизни, имеет головной убор, ношение которого было обусловлено, помимо прочего, магическими соображениями. Головным уборам в дороге придавалось значение не только защиты от атмосферных осадков, холода, но и от нечистой силы. Выходить из дома с непокрытой головой считалось неприличным и даже опасным, особенно женщинам. Головной убор считается важнейшим признаком социального статуса. Так, например, переход в разряд замужних женщин символизируется именно сменой головного убора. Кроме того, сама шапка является предметом ритуального значения, который часто выступал непременным атрибутом в различных семейных и календарных обрядах. Отсутствие головного убора, распущенные волосы у женщин свидетельствовали о нечеловеческой сущности встреченного. Поэтому шапка – обязательный элемент дорожной одежды.

Еще одним знаковым элементом выступал пояс. Помимо важной утилитарной функции – сохранение тепла и размещение дополнительного груза, пояс обозначал границы человеческого тела и внешнего мира, также подчеркивал возрастное отличие, будучи признаком возмужалости его владельца. В. Н. Белицер, ссылаясь на более ранние полевые этнографические фиксации, сообщает, что «мальчики получали пояс, когда шли в первый раз на общественное моление» [2. С. 95]. Проанализировав семантическое значение пояса в народной культуре, А. К. Байбурин отмечает, что «пояс выполняет функцию предмета-посредника между своим и чужим. По своей исходной роли, будучи надеваемым на человека, он образует первый и наиболее близкий человеку барьер между человеком и окружающим его миром. Тело человека при этом оказывается заключенным внутрь, а внешнее пространство оказывается еще более «внешним» [1. С. 8]. Пояс выступал в качестве оберега, поскольку воспроизводил круг вокруг человека, завязывался узлом, причем узел тоже имел свое значение в определении статуса. Например, при гадании пояс и завязки лаптей завязывали в левый узел [6. С. 52]. Кроме того, чтобы усилить его защитные функции, его украшали различными оберегами, металлическими изделиями, огнивом.

Размещение переносимого груза – еще одна функция дорожной одежды. С этим связано обилие карманов, складок, креплений, расширявших площадь для размещения снаряжения и распределяющих вес равномерно по телу. Функцию переноски и разгрузки выполнял и дорожный пояс. К нему подвешивалось, прежде всего, оружие: нож в ножнах, порох в рожке, плотно закрытом деревянной пробкой; мешочки с пулями, огниво и трут для разведения огня.

В дорожной экипировке особое место принадлежит обуви, которая защищает ноги от соприкосновения с землей, согревает и удерживает тепло. Как правило, обувь соотносится с нижним, нечистым миром и часто выступает в религиозных обрядах в качестве магического предмета. С помощью лаптя колдун, по народным поверьям – мог наслать порчу. Г. Е. Верещагин заметил: «Колдуны бросают изношенный лапоть в трубу и таковой, обратившись в сороку, вылетает в трубу, и напускают болезнь на человека, к которому посылает колдун. Вернувшись обратно, сорока обращается опять в лапоть» [4. С. 82]. Удмуртские загадки подчеркивают соотношение обуви с нижним миром: «Яма изнашивается, а края останутся (нога в лапте); Яма сгнила, столб ушел; Середина грядки провалилась, края оттопырились (Лапоть)» [8. С. 119]. В свадебных обрядах удмуртов можно встретить мотив применения лаптей как посредника между разными мирами: «поезжанам удастся преодолеть «темный лес» и попасть в «чужой» для них мир, лишь надев старые лапти» [7. С. 137]. Обувь устойчиво соотносится с идеей пути, дороги, увода, избавления человека от некоторых явлений, перехода их в другое состояние. Обувь обладает охранительными свойствами и иногда может использоваться в качестве оберега. Как отмечает Д. К. Зеленяк, в его родном с. Люк Сарапульского уезда старые лапти развешивались на перилах крыльца, которое выходит на скотный двор. «Делалось это для того, чтобы обезопасить скот от сглаза» [12. С. 220].

Наиболее общий, признанный и очевидный символ дороги и знак статуса путника – дорожный посох. Одна из главных функций посоха – функция опоры, то есть расширения площади опоры для повышения устойчивости путника, а вместе с тем и способности переносить груз. Посох выполнял некоторые сигнальные функции. Проходя лесной дорогой, путник стучал посохом по стволам деревьев, чтобы отпугнуть зверей. Посох использовался в дороге и как средство переноски грузов на нем. Кроме того, посох мог использоваться в качестве оружия. Дорожный посох нередко имел железный наконечник или весь был окован железом.

Магическое значение посоха повторяет те же самые функции. В первую очередь – функцию оружия-защиты. Посох может восприниматься как вместилище невидимой силы. В этом качестве он

выступал как символ власти. С этими значениями связывается восприятие посоха и как мужского символа. В то же время посох мог восприниматься как знак ущербности – старости, хромоты, слабости, просто дорожной усталости и даже слепоты. «И слепой, и глухой, а сам слепых водит» [15. С. 57] – говорится в удмуртской загадке о посохе. Посох, клюка – также устойчивый символ нищенства. То есть этот предмет указывал на потенциальную физическую и социальную ущербность его обладателя, но вместе с тем обозначал его «переходное состояние».

Точно так же, как и посох, сумка, корзинка, короб, пестерь – это неотъемлемые атрибуты путника как вместилища и средства переноски грузов, решавшие задачу увеличения объема и площади для их размещения. В то же время эти вещи упоминаются как атрибуты нищенского статуса.

Одежда выдает человеческую сущность, позволяет идентифицировать человека в дороге, выполняет защитную функцию. В то же время отклонения от общепринятого стандарта в поведении и облике помогают признать встреченного как нечеловеческое существо. Например, в удмуртской традиции хозяина водной стихии – вумурта – среди людей выдает всегда мокрая левая пола одежды [10. С. 31]. Часто представителя нечистой силы отличает вообще отсутствие одежды или каких-либо важных ее частей – головного убора, пояса, обуви. Некоторые физические особенности тоже могут указывать на нечеловеческую природу встречного: уродство или, наоборот, необычайная красота, а также возраст. Так, Г. Е. Верещагин отмечает, что «женщины вумуртов кажутся очень красивыми, как феи» [5. С. 90].

Отношение к путнику в традиционной культуре было неоднозначным. Он воспринимался как человек, обладающий сверхъестественными способностями. Чужак мог быть носителем колдовских сил. Предполагается, что путешествующий человек имеет знания, недоступные остальным. Обладание таким знанием – неотъемлемое свойство различных мифологических существ. В удмуртской пословице говорится: «Кто много ходил – тот много видел» [12. С. 180]. Загадка о дороге спрашивает: «Кто больше всех знает?» [15. С. 128]. Эти знания могли быть направлены против обычных людей. Поэтому существовал страх перед чужаками и стремление отстраниться от их присутствия – мыли ручку двери и подметали следы с пола после их ухода [14. С. 72].

Участию случайного прохожего, путника, чужака придается большое значение в некоторых обрядах. По первому встреченному в пути судили о всей поездке, если встреча была неудачной, могли даже вернуться обратно домой, отказавшись от путешествия. Путник/чужак наделялся признаками посредника между «тем» и «этим» светом, в таком же образе могли выступать нищие. Образ нищего/странника/прохожего нередко воспринимался носителем судьбы/доли. Например, согласно такого рода воззрениям, если отдать ребенка нищему, это может полностью изменить его дальнейшую судьбу [16. С. 155].

Можно сказать, что статус путника в народном сознании воспринимался неоднозначно. С одной стороны, он выступал как носитель тайных знаний/судьбы/доли; с другой стороны, в образе странника мог явиться представитель потустороннего мира, несущий в себе угрозу. Сам же путник оказывался в переходном состоянии, и его действия были направлены на защиту себя от негативного воздействия внешних сил, о чем свидетельствуют особенности его одежды и экипировки. Уходя из дома, люди старались отстраниться от того, что связывало их с домашней средой, но в то же время сохранить атрибуты, позволявшие опознавать их человеческую сущность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Байбурин А. К.* Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992. С. 5-13.
2. *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу. М., 1951.
3. *Васильев И.* Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1906.
4. *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сосновского края // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Ижевск, 1995.
5. *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Верещагин Г. Е. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. Ижевск, 1996.
6. *Верещагин Г. Е.* Этнографические очерки // Верещагин Г. Е. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. Кн. 1. Ижевск, 1997.
7. *Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор. Проблемы жанровой эволюции систематики. Ижевск, 1998.
8. *Гаврилов Б.* Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880.

9. *Геннеп А., ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.
10. *Глухова Г. А.* Демонологические существа в удмуртском фольклоре: к проблеме эволюции образов // Духовная культура финно-угорских народов России. Материалы Всерос. науч. конф. к 80-летию А. К. Микишева. Сыктывкар, 2007. С. 30-32.
11. *Загребин А. Е.* Материальная культура удмуртов как предмет исследования (из опыта работы над «Энциклопедией материальной культуры удмуртов») // Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке. Материалы Пярых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2006. С. 145-148.
12. *Зеленин Д. К.* Избранные труды: Статьи по духовной культуре (1901–1913). М., 1994.
13. *Пословицы и поговорки удмуртского народа / сост. Н. П. Кралина.* Ижевск, 1960.
14. *Садиков Р. Р., Хафиз К. Х.* Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века: экспедиционные материалы Уно Хольмберга. Уфа, 2010.
15. *Смирнов И. Н.* Вотяки: историко-этнографический очерк. Казань, 1890.
16. *Удмуртский фольклор. Загадки / сост. Т. Г. Перевозчикова.* Ижевск, 1982.
17. *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003.

Поступила в редакцию 16.04.15

M.N. Kalmykova

THE IMAGE OF A TRAVELER IN THE UDMURT TRADITIONAL CULTURE: STATUS DETERMINATION

The article discusses the features of traveler's clothes, a complex of road things, and the attitude to a traveler in the traditional society. The purpose of this article is to determine the status of a traveler in the Udmurt traditional culture. This purpose is achieved by the analysis of folk sources and traditions. A person is in a "transitional" state, when he is on his way. In this state, actions are aimed at secession from the old society, early inclusion in new and protection in the period of transition. This position determines the peculiarity of the traveler status. Clothing is a main indicator of status in traditional society. A traveler has a special status and clothing. The greatest semantic load is carried by the border elements of the outfit – a hat, a belt, shoes. A set of road things that a traveler takes with him, by which his appearance differs from that of other people, is determined in the article. Attention is paid to the position of a traveler in new society, the attitude to him, his participation in certain rites.

Keywords: traveler, traditional Udmurt culture, culture of a travel, road clothes, complex of road things.

Калмыкова Мария Николаевна,
научный сотрудник
Национальный музей УР им. К. Герда
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Коммунаров, 287
E-mail: mariyakalmykova@km.ru

Kalmykova M.N.,
Research Associate
National Museum of Udmurt Republic
Kommunarov st., 287, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: mariyakalmykova@km.ru